

Каждый раз, вспоминая об этом прошлом, хозяин Е невольно готов был заплакать против ветра.

К Ло Фэньи он, хоть и испытывал странную робость, но в то же время искренне жалел его.

Он немного знал о Ло Фэньи, однако ему было известно, что тот ждет человека по имени Фу Джуншэн.

Ждет уже десять лет: ради него хранит горделивую элегантность, ради него падает ниже пыли, ради него хранит молчание.

Только... судя по всему прежнему поведению Ло Фэньи, раньше он, должно быть, был очень близок с Фу Джуншэнем, но почему этот господин Фу так наотрез заявляет, что не знает Ло Фэньи?

Хозяин Е покачал головой и вдруг шумно сплюнул.

Да пошло оно все, знает он его или нет! Его Третий господин Ло — это же самый лучший человек во всем Пинчэне!

Придя в себя, хозяин Е торопливо догнал Ло Фэньи, который все это время шел впереди, и выдавил на лице сморщенную, угодливую улыбку: Третий господин, этот Фу Джуншэн просто слеп к истинным сокровищам, не будем обращать на него внимания...

Лицо Ло Фэньи было бледным, а выражение — отрешенным, ни радости, ни печали, он тихо отозвался: Мм.

Хозяин Е давно привык к такому виду Ло Фэньи и продолжал болтать сам с собой: Завтра наша труппа открывает сезон, а у вас, Третий господин, здоровье слабое, так что завтра просто покажетесь людям, петь не нужно.

Ло Фэньи по-прежнему тихо ответил, но в его глазах появилось чуть больше одиночества и тоски.

Издавна артисты оперы занимали низкое положение, а Фу Джуншэн — благороднейший ванлинши во всем поднебесном мире; в конце концов, между ними оставалась огромная пропасть.

Как говорится... нынешние времена не сравнить с прошлыми.

Стояла смутная пора: гибель ванлинши, хотя и считалась из ряда вон выходящим событием, но поскольку дело так или иначе затрагивало клан Ло, местным чиновникам в итоге пришлось

замять его.

Зато в Оперном саду семьи Е внезапно прибавилось посетителей.

Этот день привел хозяина Е в неопиcуемый восторг. Оперный сад достался ему по наследству от предков, вот только к тому времени, как он перешел к нему в руки, заведение пришло в такой упадок, что на него было больно смотреть.

Ло Фэньи держал в руках эрху и тихо сидел под сценой, наблюдая, как хозяин Е радостно суетится, приветствуя гостей.

Он от природы обладал прекрасной внешностью, а сегодня к тому же был одет в простое длинное платье светлых тонов; хотя он сидел в тени, проходящие мимо люди все равно замечали его с первого взгляда.

В отличие от сладкоречивых, полных любви и ненависти страстей оперных сюжетов на сцене, он сам, сидя там, казался сошедшей свитки тушью, изображающей одинокую грусть вдаль от мирской суеты.

Слушать мелодии приходилось в основном чиновникам, обладавшим определенным достатком и властью; видя такую красоту, они невольно начинали строить планы, однако из-за недавней истории, когда Ло Фэньи одним выстрелом прикончил ванлинши, не смели действовать опрометчиво.

Сам же Ло Фэньи оставался совершенно к этому глух. За столько лет он слишком привык к полному отвращения взглядам обывателей, направленным на него; поначалу он злился и гневался, но со временем мало-помалу привык.

В конце концов, с самого начала минувшего десятилетия единственный человек в этом брeнном мире, кто был готов защитить его от любых невзгод, тоже ушел. Ему приходилось учиться терпению, учиться выживать в одиночку.

На сцене пели Западный флигель — отрывок, который Ло Фэньи больше всего любил слушать последние несколько лет. В те времена, когда он еще не опустился до подобного положения, он тоже любил эти мягкие, печальные напевы из пьесы и даже, чуть изменив голос, пел их для Фу Джуншэня.

Чжан Шэн на сцене был изящен и красив лицом, с тонкими чертами, но в его глазах сквозила безграничная скорбь; прикрыв лицо рукавом, он затынул: Изнурен тоской до мозга костей, болен любовью, как стерпеть мне тот прощальный осенний взгляд.

Ло Фэньи сидел в одиночестве в углу, изначально не имея никакого желания играть.

Его хрупкое тело не выносило шума и суеты, и даже нынешний грохот музыки наполнял его голову тяжелым туманом, но назло всему он расслышал именно эти строки.

Хотя на лице по-прежнему застыло холодное, сдержанное выражение, отталкивающее людей за тысячу ли, в глубине души повеяло ледяным холодом.

Его кончики пальцев слегка дрогнули, и с резким звуком обе струны эрху — и внутренняя, и внешняя — разом оборвались.

<http://bllate.org/book/19299/1888956>